

Два срока

04 МАРТА, 16:30 //

Евсей Гурвич, руководитель Экономической экспертной группы

// <http://www.hse.ru/>

Первый и второй сроки Владимира Путина различались между собой так, как будто у нас был не один и тот же президент, а два разных политических режима.

Формальные экономические результаты последних восьми лет впечатляют. ВВП вырос на 72%, реальная зарплата – более чем втрое, реальные располагаемые доходы и пенсии – в 2,4 раза. ВВП в долларовом выражении увеличился почти в семь(!) раз, повысилась доля России в мировой экономике.

Как относиться к этим цифрам? Распространено мнение, что все наши успехи объясняются подорожанием нефти и газа. Это верно лишь отчасти. Страна действительно получила немало лишних нефтедолларов: дополнительные доходы от повышения мировых цен на сырье по сравнению с их средним уровнем за предшествующие восемь лет составил за 2000–2007 гг. почти \$500 млрд (из которых основная часть – 450 миллиардов – была получена во второй срок Путина). Счастливая ценовая конъюнктура очень помогла повысить доходы и населения, и государства. Однако ее влияние на производство было совсем не решающим: повышение цен на нефть ускорило рост ВВП примерно на 2% (при среднем росте 7% в год).

Противоположный взгляд состоит в том, что экономическими успехами мы обязаны переходу от «ужасной» политики, проводившейся в 90-е годы, к «правильному» курсу в 2000-е. Однако тогда остается неясным, почему в последние годы успешно развивались практически все страны бывшего СССР. Лишь в трех из них (Молдове, Киргизии и Узбекистане) экономика росла хуже, чем в России. Причем быстрый рост демонстрировали, казалось бы, очень разные страны: добывающие нефть и газ, и импортирующие их, энергично проводящие реформы и топчущиеся на месте, тесно связанные с российской экономикой и ориентированные на Европу. В Армении рост за восемь лет оказался вдвое выше нашего (143%), в Латвии он составил 95%, на Украине – 76%. Объяснение состоит в том, что главную роль сыграли общие для всех бывших республик факторы.

И эти факторы хорошо известны экономистам: давно замечено, что переход от плановой экономики к рыночной поначалу ведет к спаду, который затем сменяется активным подъемом. Это происходит, когда начинают работать рыночные механизмы, ради которых и затеваются реформы. После того, как сформировалась новая структура собственности, началось совершенствование управления компаниями, обновление производства, затем стали появляться новые предприятия.

Особенно активно идет рост на восстановительной стадии (пока производство не вернется к исходному уровню). Многие из стран ближнего зарубежья уже далеко перешагнули такой рубеж, мы как раз достигли его.

Таким образом, успешным развитием в 2000-е годы и Россия, и другие страны ближнего зарубежья обязаны, прежде всего, тем трудным рыночным реформам, которые (хотя и с немалыми издержками) были проведены в 90-е.

Так что описание этого периода одними черными красками – черная неблагодарность с нашей стороны.

Сказанное вовсе не означает, что политика властей на этапе восстановительного роста не имела существенного значения. Во-первых, масштабы роста среди бывших советских республик различались в шесть раз (от суммарного роста в три с половиной раза в Азербайджане до роста на 41% в Киргизии). Во-вторых, создаваемые условия для бизнеса во многом определяют развитие экономики на много лет вперед: продолжится ли устойчивый рост или будет сходиться на нет, перейдет ли экономика к инновационному развитию или сохранит сырьевую ориентацию и т.д. Как можно оценить итоги восьмилетия с этой точки зрения?

Не представляется возможным говорить о всем периоде сразу.

Первый и второй сроки различались между собой так, как будто у нас был не один и тот же президент, а два разных политических режима.

В течение первого срока было сделано очень много полезного для нашей экономики. Разумная макроэкономическая политика создала условия для инвестиций, реформа электроэнергетики показала, как можно усиливать действие сил конкуренции, дебиюрократизация облегчила открытие нового бизнеса, началось вовлечение земли в рыночный оборот, была заметно снижена налоговая нагрузка в несырьевых отраслях – и это далеко не полный список сделанного. Сформировались более правильные отношения между бизнесом и государством: нам удалось отойти от сложившейся в 90-е годы ситуации, которую экономисты называют «захватом государства», когда интересы крупного бизнеса нередко ставились над интересами общества. Думаю, что в этот период реформы шли в нужном направлении и настолько быстро, насколько это реально было возможно.

Все переменялось во время второго срока, как будто экономическую политику вывернули наизнанку. Власти перешли от построения рыночной экономики к построению бизнеса (сначала в переносном, а затем и в прямом смысле). Реформирование естественных монополий не только остановилось, но и пошло вспять: стали создаваться все новые госмонополии, которые дают все новые свидетельства своей неэффективности. Качество государственных институтов – судов, административной системы – стало ухудшаться (о чем свидетельствуют все международные рейтинги). Более того, они были серьезно скомпрометированы, поскольку стали активно использоваться как инструмент передела собственности либо политической борьбы. Если прежде интересами общества нередко жертвовали в угоду крупному бизнесу, то теперь их стали приносить в жертву интересам бюрократии. Неудивительно, что все больше стала расцветать коррупция. Долгое время сохранялась лишь качественная макроэкономическая политика, хотя, по иронии судьбы, именно она подвергалась наибольшей критике. Однако в предвыборный период ухудшилась и макроэкономическая политика, результатом чего стал всплеск инфляции. В такой неблагоприятной среде просто не может развиваться инновационное производство – оно и не развивалось.

При сравнении первого срока со вторым на ум приходят известные теории «ресурсного проклятия». Исследования показывают, что в странах с неразвитыми государственными и политическими институтами дополнительные сырьевые богатства ведут не к ускорению, а к замедлению развития.

Основные усилия идут тогда не на продуктивную деятельность, а на борьбу за природную ренту, в результате чего усиливается коррупция и падает качество управления.

Очень важным, хотя и недооцениваемым итогом стало укоренившееся глубокое недоверие ко всем институтам (государственным, политическим, финансовым), кроме президента. Несмотря на полное отсутствие объективных оснований, население убежденно ожидает нового кризиса – не то дефолта, не то деноминации. Речь об этом заходила даже на последней пресс-конференции президента. Это было бы забавно, если бы не было опасно: ведь экономика во многом строится на доверии (иначе машины и дома не отдавали бы за раскрашенные бумажки). Многие финансовые кризисы возникают по принципу «самосбывающихся ожиданий»: если вкладчики ожидают банкротства банка, они забирают свои вклады – и банк оказывается банкротом.

В итоге мы остались с сырьевой, монополизированной и огосударственной экономикой, дефектными государственными институтами, с дефицитом доверия населения к государству и экономике.

И если кому-то такие оценки покажутся неоправданно суровыми, давайте обратимся к мнению весьма компетентного источника.

«... у нас медленно меняются базовые принципы работы экономики. Эти проблемы заключаются в чрезмерном вмешательстве государства в те сферы, где его не должно быть, и в отсутствии там, где оно необходимо. Сегодня участие государства излишне в собственности, предпринимательстве, потреблении отчасти. И, наоборот, государство остается пассивным в создании единого экономического пространства страны, обязательном исполнении законов, защите прав собственности».

«Суть государственного регулирования в экономике – не в увлечении административными рычагами, не в экспансии государства в отдельные отрасли (это мы уже проходили, это было неэффективно) и не в поддержке избранных предприятий и участников рынка, а в защите частных инициатив и всех форм собственности».

«Система защищает свои права на получение так называемой статусной ренты, говоря прямо, – взятки и отступных. Такой способ существования власти представляет угрозу для общества, для государства».

«Госпредприятия еще почти во всех секторах экономики присутствуют. Но, к примеру, из почти 10 тыс. унитарных предприятий по-настоящему эффективно работают только считанные единицы. Нашей экономике неэффективный государственный сектор ничего, кроме дополнительных расходов и проблем, не даст».

«Регулируемые государством тарифы на продукцию и услуги инфраструктурных монополий повышаются темпами, опережающими рост цен в свободном секторе российской экономики. ... При этом высокой эффективности этот монопольный сектор не показывает. Таким образом, монополисты душат конкурентный сектор нашей экономики».

Все это в разные годы сказано Владимиром Путиным в посланиях Федеральному собранию. Сказано абсолютно верно. А как сделано – мы знаем.

Так что в заключение остается привести совсем свежее высказывание этого же автора, прозвучавшее на расширенном заседании Государственного совета в феврале: «Что делают центральные федеральные органы на местах, на территориях, при поддержке территориальных и местных органов – это просто ужас».

Остается связывать надежды с тем, что у нового президента в ближайшие годы будет первый срок.
Если бы еще цены на нефть упали...